

УДК 316.4:930.1

В. Э. СМЕРНОВ,
КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
(МИНСК)

ЗА ГОРИЗОНТАМИ ПОСТМОДЕРНА, ИЛИ СУДЬБА «ВЕЛИКИХ ПОВЕСТВОВАНИЙ»

Рассматриваются с материалистических позиций онтологические и теоретические причины отказа современного обществознания от метанарративов («великие повествования»). Обосновывается их способность придавать свойства субъектности социальным силам, группам и коллективам в их социальных действиях и тем самым способствовать осуществлению исторического процесса. Раскрывается социальная сущность и эволюция постмодерна; обосновывается связь генезиса постмодерна с особой стадией развития капиталистического общества, а также доказывается, что в связи с кризисом современного социально-экономического устройства уходит в прошлое и постмодерн. Аргументируется идея о необходимости создания новых метанарративов, позволяющих сконструировать новые идентичности, способные к субъектному (проектному) действию в истории.

Ключевые слова: историософия; идеология; исторический процесс; социальная субъектность; постмодерн; метанарративы; классы; история; модерн; классовое самосознание; социальная идентичность.

The ontological and theoretical reasons for the modern social science's refusal from the meta-narratives («grand narrative») are considered from the materialist position. Their ability to impart the properties of subjectivity to social forces, groups and collectives in their social activities and thereby contribute to the historical process is given grounds for. The social nature and evolution of postmodernism is revealed; the link between the genesis of postmodernism and a specific stage in the development of a capitalist society is substantiated, and it is proved that postmodernism is leaving due to the crisis of a modern socio-economic order. The need for creating new meta-narratives enabling to construct new identities which are capable to a subjective (projective) action in history is given grounds for.

Key words: historical philosophy; ideology; historical process; social subjectivity; postmodernism; meta-narratives; classes; history; modernism; class consciousness; social identity.

Кризисные явления последних лет в экономиках развитых стран свидетельствуют не просто о естественных трудностях экономического роста, а о глубинных процессах, знаменующих конец капиталистической экономики, старого экономического уклада, т. е. всего социально-экономического устройства, просуществовавшего более 300 лет в рамках капиталистических производственных отношений. Перед человечеством возникают новые вызовы истории, на которые оно вынуждено давать ответы. Готовы ли к этому люди? Существуют ли те социальные силы, которые способны наметить исторические ориентиры и средства переустройства мира? Способны ли политические элиты дать достойный ответ вызовам истории, руководствуясь существующими идеями и картинами мира, обладают ли они для этого соответствующим научным потенциалом? Есть ли для этого метанарративы, которые позволят строить социальные проекты, способные вывести общество из исторических тупиков? И нужны ли они, или, быть может, история уже закончилась? Ответить на все эти вопросы чрезвычайно сложно, тем более что в современном обществознании, объясняющем социальные процессы преимущественно с точки зрения структурно-функционального анализа, в принципе не рассматриваются вопросы радикальных изменений

или рассматриваются на основе постмодернистского подхода, зацикленного на микропроцессах и личностных свободах от государства и гражданских обязательств, и при этом априорно исключается область, в пределах которой можно ставить данные вопросы.

В этом смысле исторически и логически одним из наиболее эвристичных подходов к изучению социальных сил общества и свойственных им идеологий был классовый подход, разработанный К. Марксом. Однако в последние десятилетия классовый подход к изучению и пониманию общества «вышел из моды» в западной и следующей за ней отечественной социологии. Конечно, все эти годы не переставали работать исследователи, и в первую очередь марксисты – Э. О. Райт, Дж. Холлоуэй, П. Андерсон и др., которые подходили к изучению общества с марксистских позиций, т. е. с классовой меркой. Однако главным направлением стало исследование общества с точки зрения стратификационного подхода, разделяющего общество на страты в основном по внешним признакам, в первую очередь по доходам и типу потребления. Он, конечно, позволяет выявлять материальные основания социального статуса и социальных ожиданий представителей разных страт, но никак не может подсказать, куда будет направлена социальная активность этих групп за пределами потребительских интересов, агентами каких социальных событий могут быть эти группы, какие новые формы социальных взаимодействий получают развитие вследствие эволюции способов деятельности, характерных существующим и новым социальным группам.

Прежде чем ответить на эти вопросы, необходимо выяснить причины, обусловившие тенденцию отхода от классовой теории марксизма как метанарратива, определяющего механизмы и стратегию социального развития. В частности, отражает ли этот отход изменения в идеологии социальных исследований или соответствует реальным процессам в обществе? Понятно, что в начале и середине XX в. разговор о классах имел под собой основания не только парадигмальные и идеологические, но и вполне феноменологические. Классы непосредственно наблюдались, они существовали как «классы для себя», имели особые идеологии, в рамках которых и определялась их классовая сущность. Их можно было «увидеть» и даже «потрогать», в частности социологическими методами. Так ли дело обстоит сейчас? Похоже, что нет. На данную тенденцию обращают внимание как зарубежные, так и отечественные социологи. Еще в 1990 г. Н. Л. Полякова обобщила разнообразные подходы западных социологов, констатирующих конец трудового общества в общественном сознании на Западе, одним из проявлений которого стал конец классового самосознания традиционных классов¹.

О том, что классовая идентичность если и не исчезла, то изрядно поблекла, свидетельствуют и данные наших соцопросов. Так, несмотря на то что 53,8 % респондентов рабочих промышленных предприятий нравится их работа, удовлетворены ее престижностью только 19,2 %. Почти две трети опрошенных считают, что от их мнения на производстве ничего не зависит, 20 % респондентов отметили, что могут влиять на производство исключительно на уровне своего подразделения. Только для 16,3 % значимой ценностью является самоуважение. Возможно, такое положение дел сказалось на абсолютном нежелании рабочих передать свою профессию детям: никто из опрашиваемых не пожелал своим детям профессиональной судьбы рабочего (опрос проводился летом 2014 г. отделом социологии регионального развития Института социологии НАН Беларуси под руководством доктора философских наук Р. А. Смирновой. Всего опрошено 1458 чел., из них 194 – квалифицированные рабочие промышленных предприятий). Более того, на фоне остатков классового самосознания проявились другие идентичности, которые стали определяющими в «пакете идентичностей» современного человека или, вернее сказать, стали определяющими до недавних времен. Но можем ли мы рассчитывать, что это окончательный и бесповоротный процесс и классовая идентичность индивидуумов вместе с классовой идеологией (метатекстом) масс уходит в прошлое? Закончилась ли в настоящее время эра «великих повествований» (Ж. Лиотар), являющихся способом самосознания, самоидентификации и становления социальной субъектности социальных групп?

На эти вопросы мы попытаемся ответить, оставаясь на принципах марксизма, т. е. проанализировав особенности современного капитализма и их связь как

с господствующими идеологическими доктринами и научными парадигмами, так и с реальными социальными процессами в современном обществе. Прежде всего необходимо рассмотреть онтологические основания методологического поворота к отказу от «великих повествований», наиболее ярко выраженного в феномене постмодерна. «Постмодерн, – замечает социолог-неомарксист Ф. Джеймисон, – это не просто одно из слов для описания некоего частного стиля. Это также, по крайней мере для меня, периодизирующий концепт, чья функция – сопоставлять появление в нашей культуре новых формальных особенностей с появлением нового типа социальной жизни и нового экономического порядка, того, что часто называют по-разному: модернизацией, постиндустриальным или потребительским обществом, обществом массмедиа или спектакля, транснациональным капитализмом»².

В чем же суть этого нового экономического порядка? Долгие тысячелетия, до появления индустрии, в обществе наиболее распространенной формой производства было натуральное хозяйство. Соответственно, на экономическом ландшафте преобладали более или менее замкнутые хозяйства, опирающиеся на сельскохозяйственное производство. Конечно, в некоторые моменты истории (в эпоху эллинистических царств, Римской империи и др.) появлялись экономические субъекты, ориентированные на рынок, на продажу готовой продукции и закупку сырья, но их доля в экономической системе тех эпох была сравнительно ничтожна. С возникновением сначала мануфактурного, а затем и промышленного производства свершилась технологическая революция, в результате которой выделилась капиталистическая сфера как источник капиталистического богатства и господства, а сферы сельскохозяйственного и сырьевого производства стали «придатком» индустриальной экономики. Эта достаточно долгая и величественная эпоха длилась несколько столетий, вплоть до конца XX в., когда произошла следующая революция, суть которой заключалась в том, что капиталистическое производство проникло в области человеческой деятельности, доселе от него относительно свободные, и в первую очередь в сферу культурного производства – производства идей, символов, смыслов и т. д.

Речь идет не о том, что господствующий класс капиталистического общества стал оказывать влияние на формирование теоретических доктрин, идеологий и дискурсов. Такое влияние происходило давно, с появлением классового общества как такового, и ничего нового в этом нет. Тот факт, что представления господствующего класса навязываются всему обществу как универсальные, имеет место не только в марксизме. Речь идет о том, что вышеуказанные идеи, символы, смыслы и т. п. стали производиться как вещи-товары по законам капиталистического товарного производства. Для такого производства, в целях этого производства и самим производством порождено то, что Ж. Бодрийяр определил как гиперреальность³, а сами элементы надстроечной сферы, став продуктом капиталистического производства, получили искусственный, специфическим образом оторванный от реальности (даже через связь с культурной традицией) характер. Вероятно, именно этот продукт Ж. Бодрийяр назвал симулякрами.

Однако, как бы то ни было, именно данная сфера капиталистического производства является сегодня источником богатства и власти в капиталистической экономике, а еще вчера господствовавшая индустриальная система отступила в разряд «придатков» и существует сегодня наравне с сельским и сырьевым производством. Сама возможность превращения индустрии в «придаток», во вторую степенную сферу общественного производства была предопределена технологической эволюцией – тем, что удалось создать технологические циклы, в которых при производстве высокотехнологичных товаров не требовалось труда высокой квалификации. Именно это, вкупе со свободой передвижения капиталов, предопределило возможность размещения индустриальных предприятий в любом месте земного шара, что, в свою очередь, окончательно закрепило за современным капитализмом его транснациональный характер. Впрочем, данная черта капитализма никак не отменяет того факта, что главная, обеспечивающая основной доход и сделавшаяся основным фактором господства, сфера капиталистического производства – культурно-символическое производство – и сейчас вполне сохраняет свою географическую локализацию в центрах глобального капитализма. Ибо это производство как раз и требует квалифицированного работника, известного под именем «креативный класс»⁴.

Особенности капиталистического, рыночного производства наложили глубокий отпечаток на всю культурно-символическую сферу. Производство культурных артефактов и вместе с ними идей, символов, смыслов отразило, во-первых, стихийность капиталистического производства, а во-вторых, его исключительную ориентированность на потребление и прибыль. Таким образом, методологический поворот в сторону от «великих повествований» имеет онтологические основания именно в силу изменений сферы капиталистического производства. Нужно сказать, что превращение культурного производства в капиталистическое производство культурных артефактов привело к ряду любопытных следствий, таких как утрата цельности культурно-символической сферы, оторванность ее от традиции и от того, что М. Вебер назвал «интересом эпохи», но главным среди них стала шизофренизация культуры, обусловившая выпадение последней из истории. Для того чтобы разъяснить эту мысль, обратимся к лакановскому представлению о шизофрении как о разрыве темпоральности, или, в рамках структуралистского дискурса, разрыве между означающими. Согласно структуралистским представлениям Ж. Лакана, опыт темпоральности, т. е. бытия во времени, переживания того, что было, есть и будет, это функция языка, где присутствуют формы и прошлого, и будущего, а предложение развернуто во времени. Шизофреник, по мнению Ж. Лакана, не в состоянии использовать эти конструкции языка, поэтому всегда переживает моменты настоящего, никак не связанного с прошлым и не имеющего будущего. Соответственно, он не в состоянии построить собственную личность, ибо личность существует во времени, разворачивается из прошлого в будущее как некий план (проект).

Подобной шизоидностью, по мнению Ф. Джеймисона, поражена вся современная культура, что подтверждается особенностями шизоидного восприятия, обнаруживаемыми в культурных артефактах эпохи. Лакановский шизофреник, не ведающий прошлого и будущего и обреченный постоянно переживать настоящее, ощущает его болезненно интенсивно и ярко. Вот эта болезненная интенсивность переживания настоящего в условиях удручающей антитемпоральности (антиисторичности) и подмечена философом при анализе произведений литературы, искусства и архитектуры⁵.

Хотим обратить особое внимание на подобную тенденцию, которая в меньшей степени проявляется в общественных науках, в частности в истории. При изучении современных работ западных авторов по истории, например, средних веков или древней истории, можно наблюдать удивительную вещь. Исчезли работы по истории в традиционном понимании, а именно – по истории событий, в которых, как правило, в явном или неявном виде присутствовали элементы некой историософии, некоего представления о законах исторического движения. Исследовательские программы XIX–XX вв., вплоть до 1960–70-х гг., также не обходились без недостатков, в частности в виде элементов позитивизма в исторической науке, чрезмерного акцента на деятельности тех или иных исторических личностей, структуралистских экспериментов применительно к исследованию социально-экономических ситуаций прошлых эпох и т. п. Однако изменения в методах и объекте исторического исследования, произошедшие в конце XX в., на наш взгляд, являются отражением не столько методологических изъятий, сколько общего культурного переворота, связанного с отказом от переживания истории как длящегося проекта. Сами эти изменения наиболее явно проявились в эволюции так называемой школы «Анналов». Если первый этап развития этой школы связан с борьбой против позитивизма в исторической науке (Л. Февр, М. Блок и др.), а второй прошел под влиянием марксизма и структурализма (Ф. Бродель, Э. Лабрусс, Ф. Арьес и др.), то третий этап развития школы «Анналов» вылился в своеобразную историческую антропологию (Ж. Ле Гофф, Э. Ле Руа Ладюри, М. Ферро и др.). Исследования ученых свелись к «календарю ежедневных действий человечества, движущие факторы которых были сведены всего лишь к биологическим или семейным проявлениям существования людей – рождению, браку, смерти»⁶. Содержание подобных работ не выходило за рамки описания мира повседневности. Как правило, в таких исследованиях в одной главе говорится о том, как люди конкретной эпохи пахали и какие дома строили, в другой – об их праздниках и богах, далее – о брачных обрядах и в конечном счете о том, что определяется авторами туманным и недостаточно эксплицированным понятием «менталитет».

Нужно заметить, что подобный подход был убедительно раскритикован еще в советской и ранней постсоветской историографии такими авторами, как А. Я. Гуревич⁷, В. М. Далин⁸, М. Н. Соколова⁹, О. В. Сарпова¹⁰ и др. Однако несмотря на критику, в том числе и со стороны западных ученых¹¹, описанный подход получил распространение и утвердился в качестве социогуманитарного методологического мейнстрима. Конечно, подобный подход имеет право на существование. Мир повседневности, менталитет людей прошлого – все это интересно и достойно изучения. Однако в отрыве от представления об истории как пути из прошлого в будущее, как проекте или сумме проектов господство подобной исследовательской программы свидетельствует о специфике современного общественного сознания, выражающейся в нарушенной темпоральности, в соответствии с которой история представляется в виде последовательного ряда дискретных настоящих, тех самых лакановских не связанных друг с другом означающих, т. е., говоря словами Шекспира, «распалась связь времен».

Можно сказать, что имманентной чертой современной постмодернистской культуры является ее гипертрофированная антиисторичность. Более того, это бегство из истории стало представляться как ценность, как легитимная цель личных устремлений и общественной деятельности. Этот парадигмальный сдвиг в видении мира и места человека в нем особенно четко проявился в гражданском самосознании некоторых современников. В частности, нередко можно услышать следующие выражения, определяющие идеал социально-политического устройства государства: «Хотелось бы жить в нормальной европейской стране» или «Беларусь должна стать нормальной европейской страной». То же самое говорят об Украине, а уж упреки в адрес России, которая должна была бы сделаться «нормальной европейской страной», да не желает, стали для многих общей темой. Неудивительно, что в связи с украинским кризисом применительно к позиции Президента России говорят о том, что «Путин не считает, что Россия может быть нормальной европейской страной...»¹² При этом, как правило, никто из говорящих не знает точно, что же такое «нормальная европейская страна». Имеет ли это понятие какие-то четкие характеристики типа определенного уровня жизни граждан, низкого показателя коррупции, или это, скорее, мем, аккумулировавший в себе странную и совершенно необычную для прошлых эпох мечту – мечту ухода из истории? Рискнем настаивать, что верно именно последнее утверждение. Ведь нет сомнений, что географически Беларусь – страна европейская. Цивилизационно – это, конечно, не совсем так, но цивилизационная принадлежность трактуется сторонниками пути к «нормальной европейской стране» как дело свободного выбора и никак иначе. Объем коррупции в Республике Беларусь не так уж и велик, во всяком случае вполне сопоставим с объемом коррупции в ряде восточноевропейских стран, давно называющих себя «нормальными европейскими странами». Что же в них есть такого, чего нет в Беларуси? Вся проблема в том, что понятие «нормальная европейская страна» не имеет набора четких рациональных критериев. Скорее, это некий образ-идеал, образ-мечта общества, никак не участвующего в истории, общества, на котором история окончилась. Этот образ был объявлен Ф. Фукуямой¹³ четверть века назад, сконструирован и растиражирован в формате товарного производства культурных артефактов во многом потому, что он в достаточной мере отражает представления господствующих классов мирового капиталистического общества о желаемом конце истории, закрепляющем современную социальную ситуацию. Если в прошлом правящие классы пытались «выключить» массы из истории посредством насилия и репрессий, то сегодня бегство от истории рекламируется и продается как товар, а так называемый «креативный класс» выполняет еще одну свою функцию – задавать критерии стиля жизни и потребления в обществе, где антиисторичность – один из самых востребованных товаров¹⁴.

В известном романе Булгакова нечто подобное дарует Мастеру дьявол, а в нашу эпоху жизнь в пряничном домике пряничного городка среди милых пряничных соседей, без тяжких трудов и, главное, без каких-либо требований к индивиду со стороны дисциплинирующего авторитета исторического предназначения зачастую предлагается в виде подарка или в крайнем случае по результатам совсем несложных действий вроде прыжков на Майдане.

Но вернемся к судьбе «великих повествований». Можно проследить длительный путь борьбы с «отцовским» авторитетом упорядочивающего и связующего

Начала, обнаруженной в его индивидуально-психическом преломлении З. Фрейдом. Затем это Начало было описано М. Фуко как набор форм принуждения и угнетения, после чего пало в процессе постмодернистского бунта (Ж. Деррида, Ж. Делёз, Р. Барт и др.). Ж. Лиотар провозгласил конец эпохи «великих повествований», или метанарративов¹⁵. Проблема, однако, состояла в том, что постмодернистский анализ любого метанарратива сводился к тому, что связность, соотношение, иерархия и упорядоченность его элементов рассматривались исключительно с точки зрения насилия и авторитарного подавления элементов текста со стороны упорядочивающего авторитета (ядра нарратива, систематизирующего его структуру, упорядочивающего иерархию элементов), а деконструкция трактовалась как освобождение от него и последующее самостоятельное раскрытие освобожденных элементов. Но это определяло также их шизофренизацию и, соответственно, детемпорализацию.

Ж. Лиотар беспокоился о возможностях этики в условиях отсутствия универсальности метанарративов, а на наш взгляд, ему стоило бы обеспокоиться возможностями самой истории, так как представление о бытии в истории немислимо вне проекта, связывающего некое бывшее с настоящим и будущим. Именно в рамках проекта из неструктурированной и бессистемной совокупности событий выделяются факты истории, т. е. те события, которые в рамках определенного проекта-дискурса привели к настоящему, и ровно так же некие события настоящего ведут к определенному будущему. Так задается связь прошлого, настоящего и будущего, а именно: упорядочиванием элементов социальной реальности благодаря тому же метанарративу, т. е. доминирующему в обществе дискурсу. Так появляется история и обосновывается наша включенность в нее.

Западные философы эпохи постмодерна, вступившие в борьбу с модерном, вслед за М. Фуко не озаботились в должной мере проблемой обоснования источников и причин возникновения доминирующего дискурса и его элементов. Вместо поисков источника доминирующей и упорядочивающей инстанции в сфере бытия человеческого духа, воли или практики постмодернистская философия сосредоточилась на вопросах, связанных с формами подавления и упорядочивания, рассматриваемыми как «несвободы». И неудивительно, что доминирующий дискурс выглядит в их трактовке как нечто стороннее, внешнее по отношению к человеку. В результате упорядочивающее начало описывалось в терминах угнетения и насилия и само описание превратилось в борьбу с ним.

Чтобы определить, в каком отношении доминирующий дискурс находится к человеку, необходимо ответить на вопрос: «Что есть человек?», но, как ни парадоксально, философия постмодерна отказалась отвечать на этот вопрос по существу. Как замечает М. Фуко, «всем тем, кто еще хочет говорить о человеке, о его царстве и его освобождении, всем тем, кто еще ставит вопросы о том, что такое человек в своей сути, всем тем, кто хочет исходить из человека в своем поиске истины, и, наоборот, всем тем, кто сводит всякое познание к истинам самого человека, всем тем, кто не согласен на формализацию без антропологизации, на мифологизацию без демистификации, кто вообще не желает мыслить без мысли о том, что мыслит именно человек, – всем этим несуразным и нелепым формам рефлексии можно противопоставить лишь философический смех, т. е., иначе говоря, безмолвный смех»¹⁶. В результате в философии утвердился минимальный гуманизм (Л. Ферри), фокусом которого стал «маленький человек» – такой, какой он есть здесь и сейчас, т. е. ни в одном месте не могущий быть больше самого себя (А. Г. Дугин противопоставляет такой гуманизм максимальному гуманизму модерна, где человек равен самому себе лишь потенциально и его задача – возвыситься до себя самого¹⁷). Понятно, что внешним по отношению к такому «маленькому человеку» становится решительно все! Поразительно, что, освободившись от любых Настояний, вытолкнув их вовне посредством уменьшения себя самого, «маленький человек» попал в мир перманентных параноидальных страхов перед насилием извне, перед покушением на его, ставшую ничтожной, приватную территорию, тем более уязвимую, что в отсутствие системообразующего Настояния эта территория утратила всякую топологическую связность. Отчуждение от себя самого – ибо на самом деле любые великие Настояния (как фокус «великих повествований») есть не более чем форма самосознания и самочувствования человека, его собственной упорядочивающей и организующей способности – достигло таким образом небывалой остроты. Мы

пишем об отчуждении, а не о смерти (повествований, истории, субъекта), ведь, как говорится, слухи об этих смертях слишком преувеличены. Неудивительно, что Ф. Фукуяма по прошествии четверти века сначала попытался «подлатать» свою концепцию¹⁸, а затем и вовсе стал оправдываться за допущенные ошибки, причем продемонстрировал при этом полный набор тех идеологических рамок и ограничений, которыми характеризуется сегодня либеральный идеологический мейнстрим¹⁹.

Мировая капиталистическая система впала в глубокий кризис, и если, по словам П. Андерсона, «постмодерн был уже не эстетическим или эпистемологическим разрывом, а культурным знаком новой стадии в истории господствующего способа производства»²⁰, то глобальный кризис этого способа производства заставляет нас искать точку зрения за границами постмодерна. Другой вопрос, где мы в состоянии отыскать эту точку зрения – в прошлом, в модерне или того глубже – в традиции (чему сейчас появилось немало сторонников), или нам придется ожидать формирования новой постсовременности.

Как бы то ни было, объективные изменения требуют возвращения человека на арену истории, но возможно это лишь посредством возвращения человека к самому себе. И тут мы обращаемся к вопросу о существовании классов и метанарративов как форм обоснования классового самосознания. Проблема состоит в том, что реальные вызовы объективного характера, а к таким вызовам, несомненно, относятся и кризисные явления в мировой экономике последних лет, требуют исторического, а не технологического решения. Иначе говоря, загнать дух экономического кризиса обратно в бутылку уже невозможно, принимая и разрабатывая те или иные (как правило, монетарные) меры и технологии в узком кругу управляющих элит. Сам язык, которым эти элиты ограничены в обсуждении существа текущего кризиса, проявляющегося далеко не только в экономической сфере, не позволяет обсудить и разрешить его достаточно продуктивно, причем даже примерные наброски траектории развития этого кризиса²¹ говорят о том, что существенная часть господствующих сегодня элит попросту исчезнет. Учитывая же правило, согласно которому элиты в состоянии рассматривать только те проекты будущего, в которых их социальное положение как минимум не ухудшается, несложно увидеть, что не только невозможно адекватно описать эту проблему в рамках существующей парадигмы, но в современном мировом истеблишменте нет социальных сил, желающих ее адекватного описания.

Именно поэтому субъектом разрешения современного кризиса могут стать не группировки элит, стремящихся решить социальные проблемы исключительно с помощью реформистских социальных технологий, а массы как социальные субъекты кардинальных социальных изменений. Это и знаменует собой возвращение человечества в историю. Однако любые целенаправленные движения масс невозможны без «расширения» человека, обоснованного в рамках метанарратива, без образования новых или возрождения старых идентичностей, достаточно тотальных, чтобы принуждать массы людей к совместному действию. Сегодня мы видим, как из глубины веков возвращаются религиозные идентичности, религиозные нарративы – Настояния в рамках религиозных повествований – конкретно ислама, воплотившиеся в политическом проекте построения халифата. Другим вариантом стал национализм со своей привлекающей простотой и кажущейся очевидностью (апелляцией к некой естественности и природности), но и со всей своей одномерностью и «местечковостью», что обрекает его на роль жертвы перед лицом по-настоящему великих, всечеловеческих повествований. На наш взгляд, сегодня единственным рациональным проектом, объявляющим тотальное Настояние для больших масс людей, остается классовый проект, связанный с марксистским нарративом. Другое дело, что реальность требует переизложения этого текста применительно к современности. Также следует заметить, что классовый проект сегодня встречается с наибольшим идеологическим сопротивлением со стороны мейнстрима, ибо господствующая идеология оттачивалась в годы холодной войны как раз для борьбы с ним. И это в то время, когда воинствующие религиозные и националистические направления с легкостью находят лазейки и каверны, используемые для разрушения массива идей, легитимизирующих современный миропорядок. Конечно, можно предположить и рождение нового, незнакомого нам «великого повествования». Но пока его нет, обсуждать такую возможность имеет смысл исключительно в жанре социально-политической фантастики.

В завершение хотим еще раз повторить, как состоится возвращение в историю. В первую очередь, останется в прошлом идея минимального гуманизма, провозглашающая главными частные интересы и естественное право на «минимальность». Человек должен встретиться с самим собой в лице возвышающего Настояния. Человек, как личность, снова осознает свою судьбу как дорогу из прошлого в настоящее и будущее и тем самым вернет себе цельность и нормальность. Ровно так же он осознает себя субъектом социального действия – и сможет им быть в полном смысле слова через идентичности, связанные с возвышающими Настояниями, и станет, соответственно, субъектом истории. Так он вернется в историю. Другое дело, что основные события новой эпохи еще впереди. Происходящее на Украине показывает, что осознание интереса эпохи еще не наступило, а ведь не столько сама ситуация, сколько связанные с ней изменения в общественном сознании будут знаменовать собой возвращение в историю.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ См.: Полякова Н. Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1990.
- ² Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос: интернет-журнал [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_4/10.htm (дата обращения: 22.05.2014).
- ³ См.: Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013.
- ⁴ См.: Смирнов В. Э. В поисках нового класса // Социология. 2012. № 4. С. 122–132.
- ⁵ См.: Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос: интернет-журнал [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_4/10.htm (дата обращения: 22.05.2014).
- ⁶ Сарпова О. В. Философия исторического познания в трудах школы «Анналов» (Франция, 1929–1994): историко-философский анализ. Тюмень, 2005. С. 93.
- ⁷ См.: Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.
- ⁸ См.: Далин В. М. Историки Франции 19–20 веков. М, 1981.
- ⁹ См.: Соколова М. Н. Современная французская историография: основные тенденции в объяснении исторического процесса. М., 1979.
- ¹⁰ См.: Сарпова О. В. Философия исторического познания в трудах школы «Анналов» (Франция, 1929–1994): историко-философский анализ. Тюмень, 2005.
- ¹¹ См.: Dosse F. History in pieces: from the militant to the triumphant Annales // Telos.– St. Louis. 1986. № 67. P. 163–176.
- ¹² Крастев И. Путин не считает, что Россия может быть нормальной европейской страной – лучше быть самобытной цивилизацией // DELFI: интернет-портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus.delfi.ee/projects/opinion/putin-ne-schitaet-cto-rossiya-mozhet-byt-normalnoj-evropejskoj-stranoj-luchshe-byt-samobytnoj-civilizaciej.d?id=68379169> (дата обращения: 24.05.2014).
- ¹³ См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопр. философии. 1990. № 3. С. 84–118.
- ¹⁴ См.: Каргалицкий Б. Ю. Загадка креативного класса // Знаниевый реактор: интернет-портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://znatech.ru/proekty/fbarrier/zagadka_kreativnogo_klassa/ (дата обращения: 24.05.2014).
- ¹⁵ См.: Lyotard J. F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Minneapolis, 1984.
- ¹⁶ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 362.
- ¹⁷ См.: Дугин А. Г. Постфилософия // ПЛАТОНОПОЛИС: интернет-портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.platonizm.ru/content/dugin-ag-postfilosofiya-2-postantropologiya> (дата обращения: 24.05.2014).
- ¹⁸ См.: Фукуяма Ф. Будущее истории // Россия в глобальной политике: интернет-портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Buduschee-istorii-15456> (дата обращения: 24.05.2014).
- ¹⁹ Фукуяма Ф. Какое общество лежит в конце истории? // Переводика: интернет-портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://perevodika.ru/articles/24874.html> (дата обращения: 24.05.2014).
- ²⁰ Андерсон П. Истоки постмодерна. М., 2011. С. 71.
- ²¹ См.: Хазин М. Большая грызня – 2. Как собирается спастись «старая» капиталистическая элита. Однако: интернет-портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.odnako.org/bolshaya-griznya-2-kak-sobiraetsya-spasatsya-staraya-kapitalisticheskaya-elita/> (дата обращения: 24.05.2014).

Поступила в редакцию 29.09.2014.